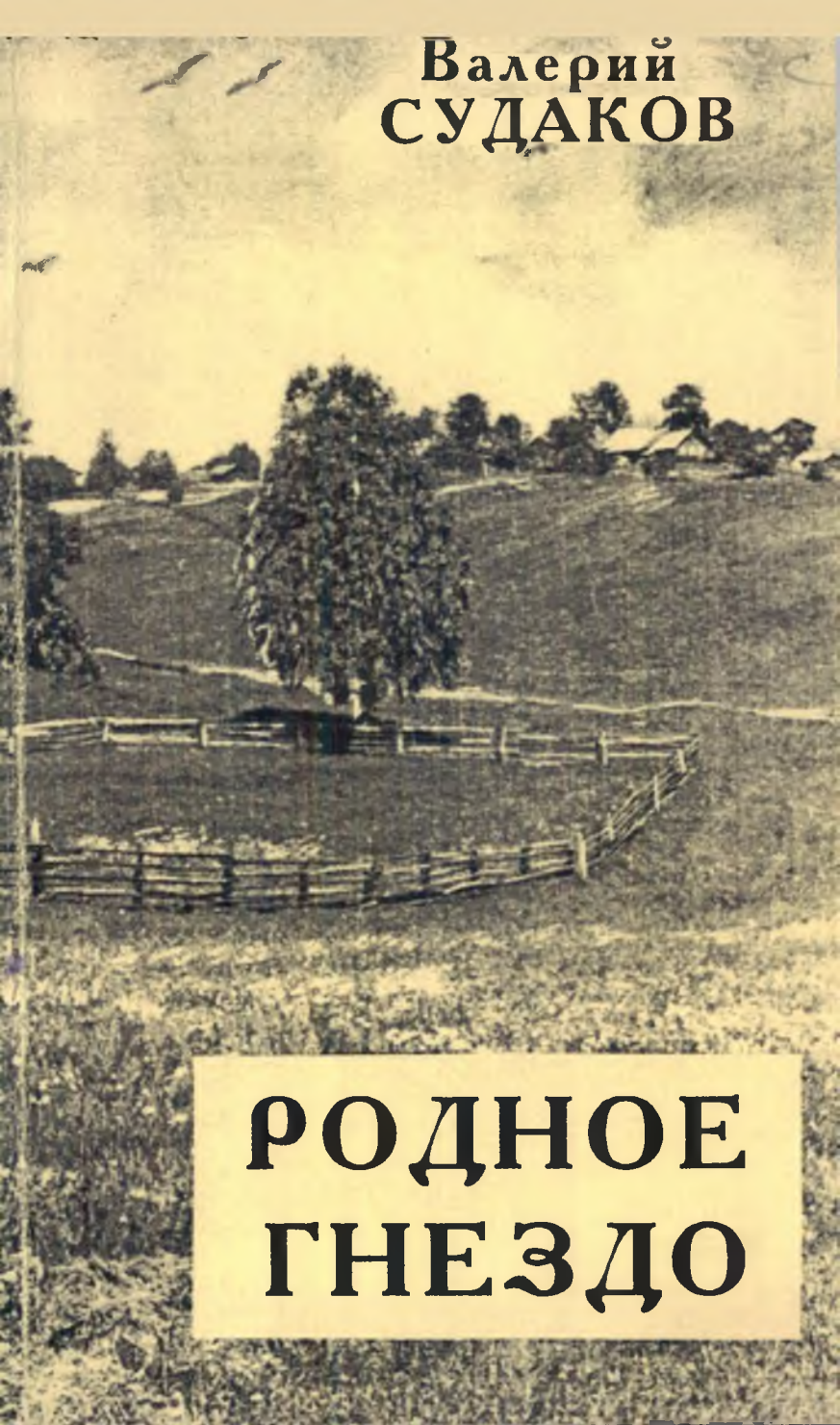


Валерий
СУДАКОВ



РОДНОЕ
ГНЕЗДО



Вологодская областная универсальная
научная библиотека им. И.В.Бабушкина

Дар АВТОРА



Валерий
СУДАКОВ

РОДНОЕ
ГНЕЗДО

Стихи

Вологда 1997

ББК 84Р7→5
С 89

Валерий Судаков.
РОДНОЕ ГНЕЗДО. Стихи. Вологда, 1997.—
С. 124.

Сборник стихов Валерия Судакова содержит четыре раздела: слову гражданина сопутствует лирическое откровение, публицистические строки дополняются иронией, а то и просто доброй шуткой.

В книге использованы фотографии из архива газеты "Кокшеньга" Тарногского района.

“МУЗА ЕГО ЛИРИЧНА И СВЕТЛА,
ГРУСТНА И УЛЫБЧИВА...”

Не так давно в газете “Русский огонек” появилась подборка стихотворений автора этой книги. Во врезке к ним говорилось: “Валерия Васильевича Судакова наши читатели знают как ученого, отдающего много сил развитию педагогики, общественно-го деятеля, возглавляющего областной комитет защиты мира, талантливого и заботливого книгоиздателя. Но немногим известно, что по состоянию души Валерий Васильевич еще и поэт. Муза его лирична и светла, грустна и улыбочива...”

Со всем этим трудно не согласиться.

В мою память буквально вторглись и остались там навсегда строки:

*Над нами древние березы
Застыли, словно на часах.
Я целовал святые слезы
В отцветших маминых глазах...*

По энергии чувств сия строфа равна и музыке, и живописи. Думаю, что тот, кто хоть немного разбирается в поэтическом мастерстве, согласится, что картина, нарисованная всего четырьмя строчками, и звучно-напевна, и объемна, а главное — символична. Являясь частью прекрасного стихотворения, она

в то же время может жить отдельно, самостоятельно, как драгоценный камень, вынутый из оправы. В ней все настолько зримо, что читатель, если он, конечно, чуток, начинает вдруг ощущать себя не только свидетелем, но, пожалуй, и участником события.

Находки у Валерия Судакова есть почти в каждом стихотворении. В одном случае — это деревенские избы, где над трубами выются по ветру “стяги-дымки”, а в передних (вслушайтесь в звуковой ряд!) — “только старые ходики тикают глухо”. В другом — “младых снегов сиянье”. В третьем — “первая строка”, вынутая прямо “из сердца”.

Палитра автора богата. Не случайно в этой небольшой по объему книжице — четыре раздела: слово гражданина перекликается с лирическим откровением, публицистика дополняется иронией, а то и просто доброй шуткой.

Мне известно, что автор долго колебался: выносить ли ему свои творения на людской суд? Черта, присущая не многим пишущим. Тем более приятно, что колебания преодолены. А читательский суд, мне кажется, будет одобряющим и ободряющим, что так важно в наше смутное время.

Юрий ЛЕДНЕВ.

Личный счет



РУССКОЕ НЕБО

О небо русское, родное!
Огромный купол. Нет, не зря
Средь безмятежного покоя
Вдруг полыхнет в тебе заря.
Изведал твой характер русский
Завоеватель не один —
Немецкий, шведский и французский,
А то и польский дворянин.

Когда отважные потомки
Громили полчища врагов,
Плело ты сети из потёмок
И западни крутых снегов.
И незадачливый воитель,
Отведав жгучего огня,
Гнал в иноземную обитель
С ума сходившего коня.

А небо снова полыхало,
Блистала красками заря,
Венком из радуги венчало
Победу русского царя.
И, воздымаясь над покоем
Лесов, и нив, и струйных вод,
Дышал и негою и зноем
Хрустальный русский небосвод.

Я — РУССКИЙ

Я — русский. Судьбе я обязан,
Что дух во мне русский живет.
Незримо и зримо я связан
С тобою, мой русский народ.

Я — русский. На тропке на узкой,
Средь самых широких равнин
Я думаю вольно, по-русски, —
Так мыслит народ-исполин.

Я — русский. И гордое предков
Величие: Невский, Донской —
Я чувствую каждую клеткой:
То символы славы людской.

Я — русский. Люблю я по-русски.
О, Русь! За весь щедрый твой свет
Я вынесу все перегрузки, —
Поднялся бы русский рассвет.



СОЛДАТКА

В деревенской избенке — комод и кровать.
И застелен комод кружевцом аккуратно.
А хозяина нет: как ушел воевать,
С той поры не вернулся обратно.

Год за годом слились в ожидания круг.
И солдатка свой крест все несет беспорочно.
А в избе тишина. Ни детей, ни подруг.
И печаль ее, видно, бессрочна.

Воздух летней деревни и зноен и сух.
Только старые ходики тикают глухо.
...Поражаюсь терпенью крестьянских старух,
Восхищаюсь величием их духа.

ПРОПАВШЕМУ БЕЗ ВЕСТИ

Когда разгораются споры
В преддверии памятных дат,
Как тяжки немые укоры
Без вести пропавших солдат.

О доблести воинской бают,
Геройских историй — не счесть.
Безвестно в боях — погибают,
Но имя погибшему — есть.

Его называла с рожденья
По имени добрая мать.
Бессмертное имя — забвенья
Людского должно избежать!

ЛИЧНЫЙ СЧЕТ

Есть личный счет к поре военной
У поколения моего:
Мы все тогда обыкновенно
Лишались детства своего.
Война! Ее мы принимали
Умом незрелых сорванцов
И неотступно ждали, ждали
Войною отнятых отцов.
Скупые слезы высыхали.
Мы счет вели печальный свой,
Когда не раз, не два слышали
В войну надрывный женский вой.
И губы крепче мы сжимали,
Лишаясь прежних детских снов, —
То наши матери рыдали,
Приняв до срока званье вдов.
Но я уверен: в мире средство
Отыщет каждая страна,
Чтоб не стояли по соседству
Два слова: детство и война.

ПЕРЕДНИЙ КРАЙ

Идут года и множат сроки,
Но Ленинград, как не скрывай,
Плацдармом был боев жестоких —
Здесь проходил передний край.

В дыму соборный Исаакий.
Где дом жилой — обломки свай.
В блокаду был он одинаков —
Наш город, наш передний край.

В отсветах зарева сугробы.
Застыл на Охтинке трамвай.
Но ленинградцы — люд особый.
Здесь каждый был — передний край.

Не журавля, так хоть — синицу.
Но хлеба — целый каравай.
Он до сих пор во снах нам снится
Блокадный наш передний край.

С последним вздохом завещали:
Мой друг, живи, не умирай!
Покуда жив, фашисты знали:
Им не прорвать передний край.

Блокады дни не канут в Лету,
Из сердца как не выдирай.
Дороже нам всего на свете
Наш Ленинград — передний край.

* * *

Мы зная шелка красного
Несли через года,
А драим зелень старую
На слове "господа".

Хоть вышли мы из темени
Нелегкого труда,
Какого роду-племени,
Мы помнили всегда.

Так нам ли, славу громкую
И по сей день храня,
Истлевшими постромками
Оседлывать коня?!

Мы стойкие и гибкие,
И отчий любим дым...
И это звать ошибками
Не стоит молодым.

МАМАЕВ КУРГАН

Ведут гранитные ступавы
В нерукотворный мавзолей,
К кургану стойкости и славы,
Что в окруженьи тополей.
Под тем курганом — прах солдата,
Укрытый бережной плитой.
И в длинном списке мужа, брата
Найдешь. За огненной чертой
Остались доблестные дети
Тех грозových сороковых,
Что жизнь за жизнь на белом свете
Отдали в схватках роковых.
Иду и я. Все выше, выше
Ведет печальная стезя.
И с каждым шагом сердцем слышу:
“Отчизну предавать нельзя!
Потомки наши, наше семя,
Опять грозит России враг,
И ваш черед в лихое время
Поднять победный алый стяг!”
Отцы и братья лет военных!
Немую вашу слышу речь.
Клянусь вам Родину сберечь!
Она одна — во всей Вселенной...

КНИГА ПАМЯТИ

“Книгу Памяти” бабка берет,
Укрывает холщовой тряпицей
И, к груди прижимая, несет,
Водружает в избе на божницу.

А потом, не присев отдохнуть,
Становясь на колени к застолью,
Опускает знаменье на грудь
И вздыхает: “И хлебом и солью

Я встречала тебя много раз.
Все напрасно. И с новою силой
Я молилась. Услышал мой глас,
Наконец, ты вернулся, служивый”.

С непокрытой стоит головой,
Лишь шевелятся старые губы:
“Ты воскрес. Ты вернулся домой,
Мой родимый, солдатик мой любый”.

Так молитва была горяча,
Что за окнами никли березы...
И горела, горела свеча,
А Святитель не сдерживал слезы.

ПОЭТУ-ФРОНТОВИКУ

М. Дудину

— Так будьте! — И глянул с порога
В лицо им спасенной страны, —
Меня вы судите не строго,
Я тоже — с Великой войны.

Так будьте! Не стойте на месте,
Друзья, хоть года сочтены,
Останьтесь достойными чести
Пришедших с Великой войны.

Так будьте! Во славу живущим
Несите Победы венец.
Пусть знают потомки в грядущем
Всю правду о нас, наконец.

ЗАЩИТНИКАМ ОШТЫ

И вновь взошел июньский светлый день.
И в свете дня есть добрая примета:
Знать урожайным будет это лето,
И минет нас чужая злая тень.

Святей святых я истину постиг:
Жизнь никогда не меряется просто.
Идут года, но ярче подвиг Ошты.
Ее бойцам я б памятник воздвиг.

Захватчики рвались, да — обожглись!
И поделом. Но — дорога наука!
Победа добывалась в смертных муках,
Когда славяне за мечи брались.

Где шли бои, давно уж деревца
Поднялись ввысь и зеленеют пышно.
И чутким их корням, наверно, слышно:
Стучат в земле солдатские сердца.



ОШТИНСКИМ МИНЕРАМ

Мне хочется заплакать от бессилья,
Хоть в этом вовсе нет моей вины.
Не оживут, став пепельною пылью,
Девчата, что сгорели в дни войны.
Они носили скромные одежды,
Молили: пусть войне придет конец!
Вынашивали робкие надежды,
Что кто-то поведет их под венец.
Наивно на подсолнушках-ромашках
Угадывали судеб круговерть
И в ситцевых девчоночьих рубашках
Не на свиданье шли они — на смерть.
И камню впору было разрыдаться:
Уже молчал фашистский пулемет,
Минерам было только по шестнадцать, —
А зло вело, вело кровавый счет.
Неженская, недевичья задача —
Снять мины, не задетые в боях.
И не одна старушка-мать оплачет
Девчат, polegших в оштинских полях.
... Пусть юные, от счастья замирая,
Свиданья назначают в лунной мгле.
Пусть лепестки ромашек обрывают
На той же, обезвреженной земле.



ПУСТЬ БУДЕТ ТАК

Не дожили. Как жить они хотели!
Любили. Может, во сто крат сильней.
Минуло столько вёсен и метелей,
А память, память сердца все больней.

Пусть будет так: пускай родятся дети
Для подвигов, для песен, для любви.
Но только пусть их будят на рассвете
Над сухонскою кручей соловьи.

Пусть будет так. Пускай просохнут слезы.
Когда-нибудь с тобою мы придем
На берег, где плакучие березы
Заглядывают в тихий водоем.

Пускай в лицо нам теплый дождик брызнет,
Пусть солнышко покажется потом,
Пусть расцветает жизнь во имя жизни,
Пусть не военный — летний грянет гром.



КРАСНЫЙ СНЕГ

Остывая, гаснут свечки.
Нет приспущенных знамен.
Под Покров в село над речкой
Гроб из цинка привезен.

Из Чечни иль Приднестровья
Он доставлен... И теперь
Вологодская Прасковья
Открывает сыну дверь.

Гробовщик не пилит доски.
Не выносят образа.
Гладит мать в окошке плоском
Отгладевшие глаза.

Гроб солдата с ликом синим
Тяжело тропой нести.
У правителей России
Преступление — в чести.

Плач стоит. А в карауле —
Полсела седых голов.
Разрывные словно пули,
Пожеланья вечных снов.

Россияне друг за другом
Погибают без конца...
Красным снегом хлещет вьюга
Сиротливого отца.

ОТЦУ ПОГИБШЕГО В ЧЕЧНЕ

Я разделю с тобою горе,
Твою отцовскую тоску.
И в белокаменном соборе,
Чья тень обрушилась в реку,
Солдату павшему молитву
Я вознесу за упокой.
А на неправую на битву
Его пославшим суд такой
Я испрошу, чтобы всевышний, —
Людской он ведает порок, —
Решил заранее: излишне
Им райский отворять порог.
Сынов России на закланье?!
И это не считать грехом?!
О, Бог! Пошли им наказанье.
А я воздам... своим стихом!

НЕДРУГАМ РОССИИ

Случилось, что два ангела пришли
На Божий Суд, где были и до этого,
И под руки с собою привели
Тень человека, вовсе не одетого.
— Кто этот? — молвил удивленно Бог, —
Безумец аль исполненный отваги?
И грешника кто надоумить мог
Стыд прикрывать листом простой бумаги?
— То ваучер... — ответил нежилец. —
С печатями... Из ведомства Чубайса.
Он землю нашу разорил вконец.
Вот помер я, чтоб там не оставаться.
— Чубайса?.. Не поверю. Русь-земля!
Донской да Невский — вот твои фамилии.
Бурбулисы за стенами Кремля,
А с ними — иноземцев изобилие.
Все ведаю... В России недород,
А недруги завистливые рады,
Что ваши управители народ
Ведут во тьму, как на закланье стадо.
Они забыли... Да, ковыльной степью
Пришлось оковы русским поносить...
Ордынцам новым ни в какие цепи
Не заковать народ Святой Руси!
...Смахнул Господь горячую слезу,
И очи Бога глянули сурово...
А ангелы грядущую грозу
Увидели, услышав Божье Слово.

ЗЕМЛЯ И ВЕРА

Десятилетиями, помногу
Молились мы кому-нибудь...
Да, мы молились, но, ей-богу,
Коль надо было помянуть
Святую правду, крест творящий,
Небес разверстых купола,
Был каждый жест наш говорящим,
Мы знали вещие слова.
Но в тех словах и наших жестах
Бурлила человечья кровь.
И в вере той имела место
Святей святых — к земле любовь.

ВЛАСТЬ И ПРАВДА

В дни беззакония и смуты,
О, Русь! Ты знаешь с давних пор:
Вершится все жестоко, круто,
Как будто лава сходит с гор.

Что может быть страшней напасти? —
Людской раздор, и свист плетей,
И материнское несчастье —
Своих оплакивать детей

И, кров родимый потерявших,
Унылых беженцев-бродяг,
Ненужной ветошью вдруг ставший,
Но прежде всех объединявший,
Всем памятный державный стяг?!

А управители упорно,
Чтоб власть неправедну крепить,
Свободы дух, дух непокорный
Во лжи торопятся топить.

О, устроители измены!
Хоть правда власти — ваш закон,
Страшитесь! — Грянут перемены,
И властью правды станет он.



ВЕЧНОСТЬ

Я знаю: мы люди —
не боги.

Не боги —
мы
лепим горшки.

Ах, русские наши дороги,
Насколько же вы широки!
Вы тянетесь в даль бесконечно.
И я утверждать не боюсь:
Себя ощущаю я
вечным,
Покуда жива в сердце
Русь!

Я шляпу снял...



ПОКЛОН ДЕРЕВНЕ

Я шляпу снял, чтоб поклониться
Деревне, речке и крестам,
Из вологодской из столицы
Вернувшись к памятным местам.

Клонилось солнце. Вечерело.
Порозовел уже закат.
А сердце грустное теплело.
Я землякам был встречным рад.

И рад был я родной избушке,
Когда, минуя поворот,
Увидел мать свою старушку,
Что ожидала у ворот.

Над нами древние березы
Застыли, словно на часах.
Я целовал святые слезы
В отцветших маминых глазах.

...Назавтра встану на рассвете,
Спрошу родную сторону:
— Что совершить на этом свете,
Чтоб снять сыновнюю вину,

Чтоб без тревоги возвратиться
К родимым памятным местам
И с легким сердцем поклониться
Деревне, речке и крестам.

СНЕГ ВЫПАЛ

Снег выпал!.. Худшее забылось,
Душа отвагою полна,
И сердце радостней забилось,
Как будто я хлебнул вина.

Спешу в свой дом тропею узкой,
Со мною — снежный ветерок.
Обходим мы старинный русский
В церковных звонах городок.

Навстречу — пять шатров Софии.
Взметнулись ввысь. Веков — не счесть!
О, чудо дивное России,
Таишь ты предков мудрых весть!

А снег скрипит. Иди да слушай!
О, как устроено хитро,
Что с этой музыкою в душу
Мне входит свет, покой, добро.

ОТЧИЙ КРАЙ

Люблю родимое селенье,
И запах пахотной земли
И старый дом, укрытый сенью
Берез, белеющих вдали.

Люблю спокойное течение
И робкий ропот струйных вод,
Зарниц неясное свечение
И полуночный небосвод.

Люблю пойти сосновым бором
И пить смолистый аромат,
Дивиться пышных мхов узором,
Бредя средь солнечных палат.

Свой отчий край, родной и милый,
Люблю я больше всех столиц
За то, что он мне дарит силы,
Что я ... крылатее всех птиц.

УТРО

Там, где с неба бездонно высокого
Разливается розовый свет,
Над деревней моей одинокою
Занимается тихий рассвет.

Вот коровушки, рано разбужены
Пастухом, потерявшим счет лет,
На траве, летней ночью остуженной,
Оставляют разборчивый след.

Еще дали клубятся туманами.
Недвижимо речное стекло.
Полон я ожиданьями странными,
А на сердце легко и светло.

Мать моя перекрестится истово
И поленья уложит в печи,
И огонь, разгораясь неистово,
Будет долго лизать кирпичи.

И сквозь дрёму мне в веки сомкнутые,
Что разнежились в милом тепле,
Глянет солнце. В такие минуты вот
Счастлив я, что рожден на земле.



ШУМ БЕРЕЗ

Порой бывает так печально,
Нахлынет смертная тоска, —
Я вспоминаю край свой дальний
И отчий дом, и облака,

Плывущие в июльском небе,
И деревенский перевоз,
Краюху маминого хлеба
И шум застенчивых берез.

Мне кажется, душа устала
Блуждать среди тысячи тревог.
Так ночью свет в конце квартала
Не одолеет тьмы дорог.

Тогда с печалью распрощаюсь,
Когда, о, край мой, позови
На час, на миг, — я утешаюсь
В твоей загадочной любви

Ко мне, хранителю наследства,
Где отчий дом и перевоз
И где меня баюкал с детства
Там шум застенчивых берез.

МАЛАЯ РОДИНА

Хочу быть я к родине ближе...
Деревня в лесистом краю
Поможет мне выстоять, выжить
И песню закончить мою.
Пойду ли по травам по росным,
Спущусь ли к туманной реке,
Иль выйду на луг сенокосный,
Где иволги свист в лозняке...
Иль в лодку долблёную сяду,
И тихо мой челн заскользит
По речке — хрустальному саду,
Где в зарослях рыба не спит...
Где глуби, а где перекаты,
Где водной стихии напор, —
Я там от восхода к закату
Веслом выгребаю в упор.
Возьму лубяное лукошко —
Последний подарок отца,
Отправлюсь лесною дорожкой,
Которой не видно конца.
В бору, где покров серебристый,
Усталый, к стволу прислонюсь,
Бальзамом сосновым, смолистым
Досыта, надолго напьюсь...
Хочу быть я к родине ближе,
В своем заповедном раю.
Во сне и в яви тебя вижу,
Деревня в лесистом краю.

ДЕРЕВЕНЬКА

Там, где поле ржаное,
Где рябины стоят,
Есть гнездо мне родное, —
Деревенька моя.

Ой ты, полюшко-поле,
Ой ты, трель соловья,
Ой ты, русская доля,
Ой ты, песня моя!

Краше русского слова
Мне нигде не сыскать.
Ой, зерно золотое
Моего языка.

Я скажу еще проще
Всем знакомым, друзьям:
Деревенька за рощей —
То Отчизна моя.

Где раздумье закатов,
Светлых вод глубина,
Летних громов раскаты, —
Там моя сторона.

Ощущаю нередко
В себе радость и грусть.
Ой ты, родина предков,
Я — твой сын, моя Русь!

Ой ты, полюшко-поле,
Ой ты, трель соловья,
Ой ты, русская доля,
Ой ты, песня моя!

БЕРЕЗЫ

Родился я, видно, под березой.
Тихий шум березовой листвы
Для меня — поэзия и грезы,
Как и запах скошенной травы.

Помню я февральские морозы,
Мамин грустный взгляд из-под руки
И деревню, где мои березы,
Заскучав, застыли у реки.

Ах, березы! В середине мая
Навсегда прощался я с отцом.
И они, всё чутко понимая,
Опустили ветви над крыльцом.

Синей птицей годы пролетели,
Как весной черемуховый цвет.
Мне напев березовой свирели
Будто ранний утренний рассвет.

И, когда мне снова станет больно,
Когда солнце скроет злая тень,
Полетит душа моя невольно
Под берез спасительную сень.

ЗЕМЛЯ ПРЕДКОВ

Год прошел. Перевернута жизни
прошедшей страница.
За окошком апрельское солнце.
Не скоро дожди.
Снова хочется мне родниковой водою
умыться.
Деревенька моя, я приеду к тебе,
подожди.

Подождите меня, милых яблонь
тенистые ветки,
Говорите со мной, в летний полдень
листвою шурша.
По тебе я тоскую, земля дорогих моих
предков,
Где в лугах сенокосных моя растворилась
душа.

И когда все снега, в вешнем солнце сгорая,
растают,
Я к тебе поспешу, деревенька, не чувствуя ног.
И в избе приберу и друзей своих звонкую стаю
Приглашу, позову я в заветный родной уголок.

Обнимите меня, старых яблонь цветущие
ветки,
Говорите со мной, в летний полдень листвою
шурша.
По тебе я тоскую, земля дорогих моих предков,
Где в лугах сенокосных моя растворилась душа.

РОДНИК

Скрип шагов утром слышится звонкий,
А морозные ночи длинные.
Полететь бы в родную сторонку,
Чтоб сбылись мои вещие сны.

Не согреет, не радует — что ты!
Меня зарево здешних огней.
Как назло, не летят самолеты
В страну юности милой моей.

Не порвать мне томительной связи
С вешним запахом отчей земли,
С белопенной черемухи вязью,
С облаками в вечерней дали.

Отзвенели счастливые годы,
Отгудели набаты мои.
Пробудись, мой родник, до восхода
И живую водой напои.

Нет покоя мятежной гордыне
И кипит в жилах кровь бунтаря:
Край родной, неужели отныне
Не взойдет над тобою заря?

Одолею любую невзгону,
Чтоб уверенным быть навсегда:
Зеленеют в моем поле всходы
И восходит над полем звезда.

... Полечу я в родную сторонку,
Где морозные ночи длинные.
Скрип шагов там услышу я звонкий,
Там сбываются вещие сны.



* * *

И снова я в родном краю.
Над речкой тихую стою,
Где птичий смелый хоровод,
Кружась промчится вдалеке,
Стремглав опустится к реке,
Крылом касаясь светлых вод.
А за рекою, на лугах,
Где сено скошено в стогах, —
Там кроется за далью даль,
Там распахнулись небеса,
Шумят бескрайние леса.
Восторг, и радость, и печаль, —
Всё ощущаю в этот миг.
И счастлив тем, что я постиг
Великолепье бытия,
Где в изумрудной неге лес,
Где величава ширь небес.
Душа мятежная моя
Спокойна. Рядом — отчий дом.
Я рос в крестьянском доме том.
Потом дорогою большой,
Уйдя в мир суетных тревог,
Там до конца изведать мог,
Что только здесь я чист душой.

ЗИМА

Когда мороз оденет в кружева
Чету берез заснеженной деревни,
И, в стылой дымке видимы едва,
Мой старый сад среди сугробов дремлет,

Когда пред утром звездный хоровод
Покров земли сравниет с небесами,
И весть о встрече мне он подает
С серебряными зимними лесами,

Когда, тоской гонимый городской,
К родимой деревеньке подлечу я, —
Природа-мать волшебною красой,
Как добрый доктор, душу мне врачует.



* * *

Прощайте, горные вершины,
Мне расставаться с вами жаль.
По милой северной равнине
Сильней, сильней моя печаль.
И если мне предложит кто-то
Весь этот чужеземный рай,
Отвергну чуждые красоты, —
Я выбираю отчий край.
И в даль я вглядываюсь строже, —
Как будто там она видна, —
Ты стала ближе и дороже,
Моя родная сторона.
Теперь уж я наверно знаю,
Что тороплюсь тебя обнять,
Умом и сердцем понимаю:
Я — твой, прими меня опять.

ДУМА О СЕВЕРЕ

Горы посыпаны снегом.
Все замело. Ну и что ж!
Я одиноким побегом
Слушаю стылую дрожь.

Сникли, попрятались травы.
Скрипка ль на сердце? Гобой?..
О, мой Кавказ величавый,
Я одурманен тобой.

Мне хорошо с тобой вместе,
Слышишь ли думу мою?
Жду издалика я вести:
Что-то в родимом краю?

Скроются горы под снегом,
Станет уныло в лесу...
Думу о северном небе
В раненом сердце несу.

ГРУСТЬ

Горные вершины —
Пики до небес.
Плечи исполинов
Окаймляет лес.

Радужные птицы —
На ветвях елей.
Только мне синица
Этих птиц милей.

Там в далекой дали —
Рошица берез.
Постою в печали,
Не скрывая слез.

Надо мною вьется
Ветер верховой...
Как тебе живется,
Край ты мой родной?..

ВЕРХОВАЖЬЕ

Ф. Ф. Игнатьевскому

В который раз меня приветил
Знакомый верховажский бор,
Где только солнце на рассвете
Ведет с морозным ветром спор!

Исконно русское селенье.
Полозьев скрип. И скрип шагов.
И бабы смотрят с удивленьем
На двух приезжих мужиков.

Сидим рядком в избе крестьянской.
Давно протоплена уж печь.
И, угощая нас по-царски,
Держать велят ответну речь.

И любо нам в избе просторной
За чаркой чарку поднимать
И горько думать: А с “реформой”
Деревне вряд ли устоять...

Меж нами — старый председатель
Федор Федорыч. Двадцать семь
Годов на сей земле старатель.
А тут — рукой махнул совсем:

— Какие, к бесу, перемены!
Надой упал... Кормов — в обрез...
В Москве, наверное, измена —
Пропал к колхозам интерес...

И сердце в грудь стучится глухо.
Вестимо нам из тьмы веков:
Пойдет в державе заваруха —
Деревня встанет из снегов

И развернет крутые плечи.
Не стой пред нею на пути...
Мы — из избы, а нам навстречу
Красавица — с ума сойти!

ГОЛОС РОДИНЫ

Стою у горной полонины,
где бег стремительной реки,
где величавые вершины
так осязаемо близки,
где снег, причудливо искристый,
необычайно свеж и бел,
где лес виденьем серебристым
околдовать меня хотел,
где тучи, в выси проплывая,
застрянут вдруг на склонах гор
и там, наверно, продолжают
свой молчаливый разговор.
Стою, не вымолвлю ни слова,
не в силах я унять тоски,
а голос родины суровой
звучит всем дивам вопреки.
И эти здешние метели, —
Увы! — совсем не тешат взор,
Как эти не заменят ели
Янтарный мой сосновый бор.

НАПЕРЕКОР СУДЬБЕ

Деревня за деревней... Островками
Стоят они, доверившись судьбе,
Воздвигнуты крестьянскими руками,
И трубами со стягами-дымками
Они зовут-влекут меня к себе.

Деревня за деревней... Как страницы,
Листаю времена моей земли.
И радость на душе вспорхнет жар-птицей,
А ночью... Ночью мне опять приснится
Деревня, что сберечь мы не смогли.

Деревня за деревней... Сквозь столетья
Ты манишь всех, укромный уголок,
Отмеченный рубцами междометий,
Что оставляли грозы лихолетий, —
Забвенья дым тебя не заволок.

Деревня за деревней... Пусть в янтарном
Бору уже не слышно бубенцов,
Но Батюшков рожден здесь легендарный.
И мы деревне снова благодарны:
Есть в мировой поэзии Рубцов!

Деревня за деревней... Временами
Становится мне так не по себе...
Прости за то, что, брошенная нами,
Не в силах ты расстаться с кандалами.
Но ты живи! Наперекор судьбе.

ИСТОКИ

Переулки застыли, заснежены.
За окошком — декабрьский мороз.
Я хочу всем вам высказать нежное
Из своих поэтических грез.
Дерева лютой стужей стреножены.
Солнцу тяжело вздыматься в зенит.
Струны сердца чем так растревожены?
Тронешь чуть — запоет, зазвенит.
Разлилась от берез, что в Архангельском,
До Шелоты — краса-благодать.
Здесь истоки поэзии ангельской,
Здесь певцов многочисленна рать.
Насладясь гениальным творением,
Светлых чувств я своих не стыжусь:
Здесь отцов и детей единение!
Узнаю тебя, милая Русь!

В МАДРИДЕ

Когда смотрю в тебя, ночной Мадрид,
Я красоту твою умом приемлю.
Мне суждено запечатлеть твой вид,
Но ты, Мадрид, и мне ответно внемли.

Когда брожу по залам Эль Прадо,
Где собраны несметные богатства,
Я не стыжусь, о Родина, при том,
В любви своей скорей тебе признаться.

За сень твою единственную, ту,
Что снится мне, о чем я здесь тоскую,
Я эту неземную красоту
Отдам, чтобы взамен иметь другую.

АЛЕКСАНДРУ ЯШИНУ

Вот и деревня Блудново.
Вот и Бобришный Угор.
В стенах родимого крова
Яшин живет до сих пор.
Старому дому под крышей
Думы доверю свои,
Голос поэта услышу
В шепоте зрелой хвои.
Здесь, вдалеке от столицы
С морем холодных огней,
Воздух родимой землицы
Делает барда сильней.
Утром сойдет он с крылечка,
Елям кивнет вековым,
Спустится с удочкой к речке, —
Сладок Отечества дым.
Как по волшебному зову,
Я за поэтом ступлю,
Горстью воды родниковой
Жажду свою утолю...
И полюбуюсь, как снова
Клином пройдут журавли.
Тайна поэта слова —
Клад этой доброй земли.



* * *

Ах, как надо бы, надо бы, люди,
До того, когда встретим мы смерть,
До того, когда нас не будет,
На себя еще раз посмотреть.

Взором строгим, пытливым, суровым
Жизни всей заглянуть в лицо,
Чтоб узнать ее вещее слово
И покинуть родное крыльцо.

Может, зря мы себя так жалеем?
Перед тем, как навек заснуть,
Подытожить: так что ж имеем? —
И не дать себя обмануть,

Выпить чашу горького счастья
И очиститься до конца,
Чтоб не слышать людского участия,
Когда краска схлынет с лица.

Не сводить надо счеты бы с жизнью,
А сквитаться с самим бы собой
До кончины своей и до тризны,
До креста над своей головой.

Мы ведь — люди. И мы ...мы смеем
Над собою вершить свой суд
До того, как совсем онемеем...
Только все ли меня поймут?

ЗВЕЗДА ВОСТОКА

Звенит капель над водостоком,
И в путь собрались корабли.
Звезда восходит на востоке
Великоустюгской земли.

Где Юг и Сухона широко
На север дальний пролегли,
Звезда восходит на востоке
Великоустюгской земли.

Идут столетья, множат сроки,
Но зову Родины внемли:
Звезда восходит на востоке
Великоустюгской земли.

На свете нету слов высоких,
Чтоб так вот в душу мне легли:
“Звезда восходит на востоке
Великоустюгской земли!”

Огнись и пой

ЗИМНИЕ ГРЕЗЫ

Очнись и пой, живи, душа моя!
Распахиваю настежь окон створки:
В морозной дымке — солнце над пригорком,
И под сосною ждет меня скамья.

Роскошный бор. Младых снегов сиянье.
Гуляла здесь красавица-княжна.
Была сюда-то сослана она
Без всякой без вины, гласит преданье.

Благословенны здешние места.
Я, о княжне вздыхая потихоньку,
Дивлюсь на дятла, что стучит без толку
По шишке, что давным-давно пуста.

Мне хорошо. Слежу, как облака
Пуховые плывут в безбрежной сини.
Понятно, что княжны другие ныне.
...А все ж о той жалею я слегка.

ВЕРЬ В МЕНЯ

Поднимусь на горную дорогу
На плечах у тающего дня. —
Застучит в груди моей тревога:
“Милый друг! Ты веришь ли в меня?”

Вот и тень повисла над землею.
Незаметно гаснут краски дня.
Я б хотел счастливым быть с тобою.
Милый друг! Ты веришь ли в меня?

Отойдут тревоги и печали
С наступленьем завтрашнего дня.
Верь, какие б ветры не витали,
Милый друг, ты только верь в меня!

ПЕРВАЯ ПЕСНЯ

Тебя обойти бы сторонкой,
Как куст росяной на лугу,
Но... помню шальную девчонку,
Свиданье в помятом стогу.

В глазах — изумрудная спелость.
И я, изумленья тая,
Совсем не приметил, как спелась
Та первая песня моя.

Как много упало туманов!..
И скошено столько травы...
Выбрасывать песню не стану
Никак из седой головы.

А память летит косогором,
Где спелые травы шуршат,
Туда, где в зеленых озерах
Моя утонула душа.



ВОЛШЕБСТВО

Солнца горячие лучики
Окон пронзают стекло.
Как из волшебного ключика
Льется твое мне тепло.

Глянь на меня из оконышка —
Я подойду к тебе сам, —
Выпью до самого донышка
Твой несравненный бальзам.



ВЕСЕННЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Еще зимы суровый вид.
Она еще отвагой дышит.
Шагов весны она не слышит.
Но солнце тянется в зенит.

Природа нехотя очнулась.
В снегов блестящей белизне
Весна ворочалась во сне.
И стрелка времени качнулась.

...Так и душа. То грустью нежной
Дает себя околдовать,
А то спешит возликовать,
Пылая страстью вдруг мятежной.

Светлей небесное сиянье.
В его лучах играет кровь.
И воцаряется в сознании
К весне и женщине любовь.



* * *

В майские дни високосные
Трель заведут соловьи.
С первыми зорями росными
Вспомню я ласки твои.

Разве другой позволительно
Зелень очей распахнуть?..
Смотришь, а мне упоительно
В светлых озерах тонуть.

Связан с тобою единою
Этой судьбою навек.
Только с тобою, любимая,
Чувствую: я — человек.

ЯНВАРСКИЙ РАССВЕТ

Снег в алмазах. Скрипучий и звонкий.
Истекают часы и минуты.
Ты январским рождественским утром
Подарила мне чудо-ребенка.

Двое суток жила ты томленьем,
А когда твои кончились муки,
Протянула усталые руки,
Увидала свое отраженье.

Ты напомнила странницу-птицу,
Что летела, не зная покоя...
Билось рядом сердечко живое,
И слезу ты смахнула с ресницы.

У счастливых мгновений — нет лет.
Помнить все — в человеческой власти:
И невзгоды, и нежность, и страсти.
А еще — тот январский рассвет.

ВСЕ РАВНО

Все равно я с тобою хожу
По проселочной зимней дороге,
По осеннему лесу брожу
И по рощам березовым строгим.

Все равно я тебе покажу,
Где зарыт клад земли настоящий.
Я тебе докажу, докажу,
Что с тобою я только и счастлив.

Все равно я с тобою пройду
Воду, пламень и медные трубы, —
Лишь бы знать, что в конце я найду
Твои руки, твой взгляд, твои губы.

Все равно буду слушать с тобой
Шепот листьев и птиц щебетанье.
Я тебя уведу за собой
И твоим завладею вниманьем.

Завладею вниманьем твоим.
Вновь увижу ресниц трепетанье.
Все равно хорошо нам вдвоем
Как на самом на первом свиданьи.

Все равно над тобою склонюсь,
Припаду к твоему изголовью,
До утра буду пить — не напьюсь
Я твоей, самой чистой любовью.



ХОДЯТ ДВОЕ

Однажды утром стала ясной
Мне неизбежность наших встреч,
И разум, в ярости напрасной,
Меня не мог предостеречь.

Лес, ярким солнышком пронизан,
Стоял, в сугробах замерев
И на сосновые карнизы
Папахи снежные надев.

И только дятел одинокий
В роскошной зимней тишине
С ожесточением высоким
Трудился на сухой сосне.

А ночью звезды, загораясь,
Смотрели нам с тобой вослед
И ничему не удивлялись:
Что ж, ходят двое... Много лет.

ПЕЧАЛЬ

В вечернем свете остов ветряка
Расплывчат. И черты его бледнеют.
Природа так пронзительно близка...
Моя печаль, приди ко мне позднее...

В притихших сумерках мне хочется молчать.
Дней прожитых сомнения виднее.
Я снова не готов тебя встречать,
Печаль моя, увидимся позднее...

Займетса день, когда, дрожа от зноя,
Поникнет к водам тонкая лоза.
Заслонишь ты от солнца золотого
Ладошкою зеленые глаза.

В раскрытых ставнях засияют окна.
Случится то, о чем мечтал всегда:
Я буду гладить этот милый локон...
Уйди, печаль, не оставляй следа!

* * *

Когда поутру встав,
ты потянулась томно,
и свет блеснул в глазах,
как в озерцах огромных,
и розовый пурпур
на девичьих ланитах,
и взгляд из-под ресниц
доверчиво открытый,
и юный облик твой,
наивно безмятежный,
и радость на губах
и трепетных и нежных, —
отрадно созерцать
такое пробужденье
и хочется сказать:
“Остановись, мгновенье!”

* * *

Как музыка, моё звучало имя
В устах твоих. Я счастлив был и рад,
Когда руками нежными своими
Ты подала янтарный виноград.

Хотелось жить. Исчезла вмиг усталость.
И на закате тающего дня
Мне ничего совсем не оставалось
Как приказать расседлывать коня.

ЗРЯ ОБИДЕЛАСЬ

Что же ты, душа моя, обиделась?
Я тебя совсем не обижал.
Хочешь поклянусь: тебе привиделось,
Что меж нами кто-то пробежал.

У осин багряных за околицей
Сорван ветром праздничный наряд.
За любовь любовью платим сторицей, —
Это верно люди говорят.

Смолк за голубыми перелесками
Клекот поздней стаи журавлей.
И горят алмазными подвесками
Ветви у задумчивых елей.

Осень! Не скупись на краски синие.
И на золотые не скупись.
Ты не дай, любовь моя, чтоб инеем
Замело оставшуюся жизнь.

Узкой остывающей полоскою
Нехотя поднимется заря.
Только нам знакомою березкою
Я клянусь, обиделась ты зря.

ПЕРВАЯ ВЕСНА

Я помню все: твое молчанье,
И, в свете призрачном луны,
Полузакрытых глаз мерцанье,
И запах девичьей весны.

И оба мы стремились жадно
Узнать в мелодии стиха
Созвучье музыки отрадной —
Объятья сладкого греха.

И часто в жизни торопливой,
Заслышав отзвуки ее,
Тотчас бросаемся ревниво
Спасать сокровище свое.

...Как странно: дух мой своевольный,
Любовь к тебе — живут в ладу.
И я, страстей своих невольник,
Дорогой прежнею иду.

И помню все: часы томлений
И, в свете призрачном луны,
Меня пленяют те же тени
И запах первой той весны.

ДАМЕ СЕРДЦА

О, Бог! Вершитель мироздания!
Как славно вылепить он смог
Такое дивное создание,
Что я... что я у Ваших ног!

Простите мне мою отвагу,
Но я... но я решился вновь,
Не отступая ни полшага,
Явить Вам нежность и любовь.

Прошу, во имя дружбы нашей, —
Найду я тысячу причин, —
Дать целовать хоть руку Вашу
Как даме сердца, — от мужчин!

* * *

На весеннем на солнечном склоне
Я люблю так устроить себя,
Чтоб никто, ни один посторонний
Думать мне не мешал про тебя.

Мне и грустно сидеть одиноким,
Зелень новой травы беребя,
И легко мне на склоне высоком
Вдаль глядеть, вспоминая тебя.

Милый образ твой, чистый и нежный,
Я из сердца достану, любя
И страдая, что жизнью мятежной
Я, наверное, мучил тебя.

Прорастут скоро вешние травы,
Прошлых лет травостой истребя...
Это верно, что был я неправым...
Все равно я люблю лишь тебя!

ИНОГО НЕ НАДО

Не в этом ли судьба?
Что жизнь подарит шанс, —
Зовется он тогда
Счастливый случай.
Отыскивай слова
И складывай романс.
А пусто на душе —
Себя не мучай.
Ты далеко, но есть.
Преград к тебе
Не счесть.
Ты есть.
Иного мне, пожалуй, и не надо.
Сквозь тысячи тревог
Прошел я сто дорог
Лишь только для того —
Чтоб нам быть рядом.
Зеленые глаза.
И та же в них краса.
И сердце
Забурлит горячей кровью.
И день заменит ночь
И тьму разгонит прочь.
И встречусь я опять
С твоей любовью.



ЖИВАЯ ВОДА

Холодные туманы
В ущельях залегли
И нехотя вставали
С лица сырой земли.

Тянулась на рассвете
Их стылая гряда;
Казалось, в ней просвета
Не будет никогда.

И хмурая окрестность,
Что уплывала вдаль,
Таила неизвестность.
В ней брезжила печаль.

И все мне здесь не мило,
И, кажется, уже,
Что все во мне застыло,
Что изморозь в душе.

Но мгла вдруг встрепенулась —
То ветер верховой.
Принес он издалека
Желанный голос твой...

И снова в жилах — сила,
Я снова — молодой...
Ты будто окропила
Меня живой водой.

НОВОГОДНЕЕ

В дом, где сегодня огни не погашены,
Я заглянуть бы не прочь.
Снова стоит во дворе, разукрашена,
Елка в январскую ночь.

Бусы на елочке светятся чудные,
Словно звезда полынни.
Годы — годочки родимые, трудные,
Ой вы, годочки мои.

Что загадаю я, то и сбывается, —
Нету для счастья преград.
Если любимая мне улыбается, —
Буду я счастлив и рад.

В доме нарядная скатерть расстелена.
Лампы оранжевый круг.
Вот и живи, сколько Богом отмерено,
Радуйся жизни, мой друг.

В дом, где сегодня огни не погашены, —
Я заглянуть бы не прочь.
Снова стоит во дворе, разукрашена,
Елка в январскую ночь.

* * *

Опять томлюсь тоской желаний,
Опять стремлюсь к тебе душой.
Средь всех моих воспоминаний
Чей самый яркий образ — твой!
Твой нежный образ, незабвенный,
Он предо мной — везде, всегда,
Как будто компас неизменный —
В ночи Полярная Звезда.

* * *

Светает. Я уж на ногах.
Я — раб труда. Его поклонник.
А ты стоишь и прячешь страх,
Чуть опершись на подоконник.

Я в институт летел, не шел.
Вчера расстался с ней... С работой.
Нет, не другую я нашел, —
Милы всегдашние заботы.

Вернусь, наверное, домой
С заходом солнца... Вечереет...
— Ты ждать устала, ангел мой?
Целуй, целуй меня скорее!

СУТЬ ЖИЗНИ

Да, мы зависим друг от друга.
Примеров этому не счесть.
В устройстве жизненного круга
Святая правда все же есть.

Когда приходится нам туго,
Судьба сгибает нас в дугу,
Тогда мы тянемся друг к другу,
Как две травинки на лугу.

Разделим горе и победу, —
Тернист и долог общий путь, —
И боль и счастье — все изведав,
Мы понимаем жизни суть.

Пусть дальний край ее неведом,
Мы были. Есть. И будем. Будь!

* * *

Ты хорошая очень — уверен.
Ласка в нежных серых глазах.
Тает, тает в тумане берег,
Затерялась тропа в кустах.

Я давно повстречал другую
И цветов ей охапки рву,
И ее я одну целую.
И не в мыслях. А наяву.

* * *

Нет, нельзя забывать про любовь.
И под лунным мерцающим светом
Не жалею я ласковых слов,
Хоть сама ты не просишь об этом.

Разве можно забыть про любовь,
Не идти нашей юности следом?
Ты меня позови — я готов, —
Где бы ни был, к тебе я приеду.

Не могу я забыть про любовь,
Про томленья часы и минуты.
Среди южных широт, средь суровых снегов
Сердце хочет любви и уюта.

Сколько б ни было лет позади,
Никогда не скажу я: уйди!
И никак быть не может иначе!
Без любви ничего жизнь не значит.

Помнишь, как над сторонкой лесной
Птицы белые рядом летели?
Так и наша любовь и зимой и весной
Будет жить, лишь бы мы захотели.

Среди задумчивых елей
И неба синеватого
Под говор поздних журавлей
С тобою шли куда-то мы.

Как далеки, как далеки
Годов тех расстояния,
Но, как и прежде, нележки
С тобою расставания.

И мне казался и тебе
Закат таким пылающим.
А птиц ты помнишь ли теперь
За море улетающих?

Объехал я почти весь мир.
Могу признаться сразу же:
Нам позавидует Шекспир,
Моя зеленоглазая.

Ему — трагедия души.
Нам — счастье нашей юности.
И август. И в ночной тиши
Сиянье звезд в безлунности.

Я позову тебя, мой друг,
В тот край, к закатам пламенным,
Чтоб запылало сердце вдруг,
Не стало б сердце каменным.

Одна на миллион веков
Судьба неповторимая:
С тобой — Валерий Судаков,
Со мною — ты, любимая.



*Живи
с интересом*

* * *

Восток светлеет. Тают звезды.
Редет утренний туман.
Птенцы проснулись в теплых гнездах
И с кормом ждут пернатых мам.

И тень играет с солнцем в прятки,
Стремясь укрыться за плетень.
Ну что ж! В природе все в порядке.
Встречайте, люди, новый день!



НЕТУ ВАЛЕНОК

Нету валенок, а жалко.
И тулуп исчез.
Я пошел бы вперевалку
В старый зимний лес.

Пошагаю по линейке
Брошенной лыжни.
На опушке почке клейкой
Спи, — скажу, — усни.

Разберу следочек лисий
Около плетня.
Замечательные мысли
Посетят меня.

И, конечно, по пороше
Поброжу не зря, —
Я поймаю внуку Гоше
Птицу — снегиря.

На пеньке, как на насесте,
В зарослях ольхи
У реки в укромном месте
Сочиню стихи.

Наломаю я заране
Веник из пихты.
... До чего люблю я баню!
И люблю цветы.



ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

Погода хмурится, недужит.
И вот дождя помчался вал.
Причалию лодку и по лужам
Лечу на старый сеновал.

Взберусь под самую под крышу,
По сему знойному шурша,
И говор дождика услышу,
Поразмышляю не спеша.

Прохладой влажною повеет.
Мне виден в оконный проем,
Где гроздь лесной рябины зреет,
На туче светлый оком.

Над головою — звон капельный,
Снаружи — ветра слабый стон.
И с этой песней колыбельной
Я погружаюсь в сладкий сон.

Недолго летнее ненастье,
Его минуты сочтены.
И, забывтя лишившись власти,
Очнусь от чуткой тишины.

...Дождем умытая, сияет
Вся луговина. Благодать!
...Теперь ничто не помешает
Ерша хитрющего поймать.

С ЛЕГКИМ ПАРОМ!

Н. И. Баландину

В мае ты
 после грозы
Не ломай
 себе лозы.
А пройдут
 в июне грозы —
Наломай себе березы.
Это самая пора.
Обойдись без топора.
И еще совет таков:
Не ломай больших суков.
Веник — это
 не голик,
Пусть он будет невелик.
Приготовь теперь настой,
Да настой-то не простой:
И ромашку, и шалфей
Сыпь побольше, не жалей.
А потом заправишь мятой, —
Станет веник с ароматом.
Приготовишь сей бальзам,
И тогда уж парься.
Сам.
Бабу в баню не бери,
Сам себя везде потри.
Заберись на верхнюю полку,
Парься с чувством,
 парься с толком.
Жар гони к себе поближе.
Целься в спину. И —
 пониже.
И охаживай бока.

Польза будет велика.
Для любого для мужчины, —
Независимо от чина, —
Веник —
Лучшее лекарство.
В старину — чуть не полцарства
Отдавали за него.
Береги, дружок, его.
Инструмент сей многократный, —
Вот и пользуй аккуратно,
И ему не будет сносу.
— С легким паром!
— Нет вопросов!

БЕЛЫЕ ЦВЕТЫ

Вот миновали дни осени хмурой.
Бархатом белым укрыты дома.
Солнце застыло в морозной лазури.
Белая в ветках берез бахрома.

Жемчугом белым сверкают сугробы.
Белые тянутся вдаль провода.
Белые кружатся звездочки, чтобы
Лечь им на белую скатерть пруда.

Белые в окнах цветы, и короны
Их лепестков зазвенят в серебре, —
Это откроет волшебник бутоны
Белых цветов к новогодней поре.

ТАКОЕ НАДО ВИДЕТЬ
(Шутка)

Лежала женщина, лежала
В своей прекрасной наготе,
А руку левую держала
На загорелом животе.

И там, за грядкою с морковью,
Как за ничейной полосой,
Со взором, пышущим любовью,
Стоял мужик, сражен красой.

Лежала женщина, лежала...
И только негу и покой
Ее фигура выражала.
...А он был, видно, не такой.

* * *

Вокруг вдруг закружили тучи,
И с воем, полные тоски,
Швырять пустились снег колючий,
Чтоб хрупкий мир разбить в куски.

В природе в этот час кромешный
Слилось все в яростный хаос,
Как будто кто-то, безутешный,
Пустил планету под откос...

А я упрямо по дороге
Шагаю, голову подняв...
Вот так солдаты по тревоге
Идут, чтоб выполнить устав.

АПРЕЛЬ

“Что случилось с временами года?” —
Мы друг другу говорим теперь.
“У природы нет плохой погоды”.
Только где же ласковый апрель?

Лишь вчера кругом темнели своды,
Бушевала над землей метель.
Не у моря ждали мы погоды,
А на суше: где ж ты, наш апрель?

А сегодня утром непогоды
Нет как нет, и птичья льется трель.
Пошутила, зная, вчера природа.
На свою стезю вступил апрель.

Нам апрели прибавляют годы.
Но в апреле звонче всех капель.
И минуют всех пускай невзгоды.
Здравствуй, месяц, здравствуй, наш апрель!



СТРАДАНИЯ

Спят уже халифы,
Запершись в гробницах.
Я бывшие мифы
Представляю в лицах.

Я бреду Мадридом
Мимо автоматов.
Ах какие виды! —
Не сойти б с ума тут.

Были мы в Севилье...
Были мы в Кордове...
Папское засилье, —
Верьте мне на слово!

Вот огни рекламы
Расставляют сети.
Вспомнилось о маме,
О реке Исети.

Ты прости, Эль Греко,
Очень ты хороший,
Только человека
Я люблю, не брошу.

Мне б, как той рябине,
Поскорей, коль можно,
До родного тына —
Через все таможни.

ЭЛЬ ГРЕКО

Я — в галерее
 высшего искусства.
 Эль Греко — вот он.
 Подлинный. Пред мной.
 Я потрясен,
 обуреваем чувством
 сверхчеловечьей
 правды вековой.
 Петра святого
 сомкнутые руки.
 Глаза его,
 исполненные слез.
 Черты лица, в которых
 скрыта мука, —
 смотрю на них, и
 вдоль спины — мороз.
 И я б Петра, —
 он вовсе не был смелым,
 страшился зла,
 но зла сам не таил, —
 я не рубашкой,
 а своим бы телом
 от лихоимства
 тяжкого закрыл...
 В моей груди
 такое упоенье,
 такая боль,
 и гордость от того,
 что здесь — мое
 великое творенье,
 а не его,
 Эль Греко самого...
 Ах, как он мог,
 великий кисти мастер,

одним касанием
гениальных рук
пленить людей
своею дивной властью?
...И нет души,
чтоб не очнулась вдруг.

ВСТАНУ НА РАССВЕТЕ

В сумраке светлеют
Очертанья гор.
Вот и показался
Солнышка бугор.

Вот и покатались
С гор его лучи.
Словно не бывало
Теmeni в ночи.

Всё еще в тумане,
Как в седых кудрях,
И еще прохлада
Прячется в ветвях.

Вот уж заиграла
На кустах роса
Россыпью алмазов —
Дивная краса.

Все в природе мудро.
Вся она чиста.
Целовать бы утром
Милые уста...

ЭЛЕГИЯ

Деревня. Печь. Половики.
За луговиной — вид реки.
На домике — подковенка.
Да и теплица новенька.

Длиннее день, короче ночь.
И тень зимы стремится прочь.
Ах, как себя мне уберечь,
Коль сердце жаждет новых встреч!?

О да, рассудку вопреки
Дни ожиданья нележки!
...А за окном изгиб реки...
Деревня. Печь. Половики.

ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ

И улицы в сумраке зыбком,
И день не вступил на порог,
А женщина с доброй улыбкой
Румяный готовит пирог.
Еще далеко до рассвета,
Не слышно “Российских вестей”,
Сегодня бы надо дуэтом
Готовиться к встрече гостей.
В окне звезды светятся ярко,
Запутавшись в ветках берез.
Будить ей любимого жалко...
Вчера он подарок привез...
Серьезная слишком причина, —
Трудиться с утра ей не лень.
Пусть дремлет любимый мужчина
В такой изумительный день.

НА КАТКЕ

Итак, встаю на лед хрустальный.
Ах, как он тонок! Блеск зеркальный.
Ледок — утеха молодца —
Послушно стелется под ноги,
И круговой его дороге
Не будет, кажется, конца.
Но на катке я только гость.
В моих руках всего лишь трость.
Навстречу мне скользит Она.
О боже! Как Она мила!
Она кружится, как юла.
Она стройна, Она — юна.
Любуюсь ею долго-долго.
И вот кружится голова,
А в сердце стук едва-едва
От неисполненного долга.
Я падаю. Погасли свечи...
Она ... берет меня за плечи.
Улыбка греет и лучится.
— Вы так добры, душа-девица.
И я ... я счастлив, наконец,
Благодарить Вас, как ... отец.
Ведь Вы катались в стороне,
И помогли подняться мне.
... — Там, на скамье в кругу подруг
Смеется мой хороший друг.
И подняла я Вас, папаша,
Лишь по причине ... ссоры нашей.

ПИСЬМО ДРУГУ

В. В. Сиплову

Письмо приятелю строчу.
Хочу поведать
и исповедаться хочу
не о победах.
А о минувшей о грозе,
о летней буре,
о деревенской о козе,
о козьей шкуре.
Я не скажу ему в стихах
о бурной страсти.
Боюсь поймет меня не так,
и я не властен
влиять на мнение друзей
женатых, вроде:
как для туриста — Колизей,
так мне — природа.
И стих, что он читает сей,
он — о... погоде.

ДЕВА
(Ирония)

Зачем ты, дева, завлекаешь
Теплом распахнутых ресниц,
Как будто ты сама не знаешь, —
Не перейти нам всех границ?

Я восхищаюсь стройным станом,
И, если страстно полюблю,
Своей любви скрывать не стану,
Но лишь тебя я погублю.

Пойдем, о, дева, на природу,
Восход мы встретим над горой.
В тиши, где утренние воды,
Я назову тебя... сестрой.

ВАН ГОГ

Расцветает в предместьях вишня
Раньше нежных мимоз-недотрог.
То в России заметил бы Пришвин,
А в Голландии — мастер Ван Гог.

В край неведомый плыл гондольеро.
Над каналом — висячий мосток.
Свой этюдник открыл кабальеро —
Знаменитый художник Ван Гог.

Вырастали из вод силуэты
Древних храмов. Небесный чертог,
Что воспели голландцы-поэты,
Перенес на полотна Ван Гог.

Цвет вишневый наряден и ласков.
Надоумил художника Бог:
Выбрал самые светлые краски
Для весенних полотен Ван Гог.

То ли за победы,
То ли за грехи
Мне Господь поведал:
“Ты пиши стихи.
Если станет жутко,
Если в тягость жизнь,
Не поможет шутка, —
За стихи берись!
Если станет больно,
Если в горле ком,
И с тебя довольно, —
Ты лечись стихом.
Днем иль поздней ночью —
Радость велика —
Пусть ложится в строчку
Твоего стиха.
А когда загложет
Душу и о чем
Ты сказать не можешь
Лучше, чем стихом, —
Ты тогда доверься
Богу-старик
И достань из сердца
Первую строку...
Ну, а если ясно,
Что душа пуста, —
Не марай напрасно
Чистого листа”.

ИСТОРИЯ

Мать-Историю можно ль представить
иначе, чем в лицах?
Дать изложение другое —
что был бы заменить
небылицей.
Век и година,
и месяц, и день,
даже час и минута, —
Соткано все из деяний и мыслей,
замешанных круто.
Мы, погружаясь в Историю,
древнюю Книгу
о предках читаем.
Лиц их не видим
и жизнь их весьма
приблизительно знаем.
Нет, невозможно, нелепо
Историю мыслить иначе,
чем в лицах.
Время пройдет, — и потомки
о нас о самих
наплетут небылицы.

ПЕРВОКЛАШКИ

За окном февральским —
на заборе галки.
В нашем классе
первом —
игры и считалки.
За метелью белой
улетели птицы.
Любят первоклашки
сказки-небылицы.
В лес
иль в чисто поле
трели улетели.
Нам под балалайку
дети песни спели.
“Аты-баты,
шли солдаты...”
...В школе
нравится
ребятам.



* * *

Первый иней
 украсил заборы.
На амбарах крестьянских —
 запоры.
И, как в прежние
 лучшие годы,
Прозимуюем,
 не зная невзгоды.

А как схлынут
 весенние волны,
Вновь земляца
 желанья исполнит.
Будем ждать урожая
 с привесом.
Вот и жизнь.
 И живи.
 С интересом.

СОДЕРЖАНИЕ

“Муза его лирична и светла...”	3
ЛИЧНЫЙ СЧЕТ	
Русское небо	5
Я – русский	8
Солдатка	10
Пропавшему без вести	11
Личный счет	12
Передний край	13
“Мы знамя шелка красного...”	14
Мамаев курган	15
Книга Памяти	16
Поэту-фронтовику	17
Защитникам Ошты	18
Оштинским минерам	20
Пусть будет так	22
Красный снег	24
Отцу погибшего в Чечне	25
Недругам России	26
Земля и вера	27
Власть и правда	28
Вечность	30
Я ШЛЯПУ СНЯЛ	
Поклон деревне	33
Снег выпал	34
Отчий край	35
Утро	36
Шум берез	38
Малая родина	39
Деревенька	40
Березы	41
Земля предков	42

Родник	43
“И снова я в родном краю...”	45
Зима	46
“Прощайте, горные вершины...”	48
Дума о севере	49
Грусть	50
Верховажье	51
Голос Родины	53
Наперекор судьбе	54
Истоки	55
В Мадриде	56
Александру Яшину	57
“Ах, как надо бы, надо бы, люди...”	59
Звезда востока	60
ОЧНИСЬ И ПОЙ	
Зимние грезы	62
Верь в меня	63
Первая песня	64
Волшебство	66
Весеннее настроение	68
“В майские дни високосные...”	70
Январский рассвет	71
Все равно	72
Ходят двое	74
Печаль	75
“Когда поутру встав...”	76
“Как музыка, мое звучало имя...”	77
Зря обиделась	78
Первая весна	79
Даме сердца	80
“На весеннем на солнечном склоне...”	81
Иного не надо	82
Живая вода	84
Новогоднее	85
“Опять томлюсь тоской желаний...”	86
“Светает. Я уж на ногах...”	87
Суть жизни	88
“Ты хорошая очень...”	89
“Нет, нельзя забывать про любовь...”	90
“Среди задумчивых елей”	91

ЖИВИ С ИНТЕРЕСОМ	
“Восток светлеет. Тают звезды...”	94
Нету валенок	96
Летний дождь	98
С легким паром!	99
Белые цветы	101
Такое надо видеть	102
“Вокруг вдруг закружили тучи...”	103
Апрель	104
Страдания	106
Эль Греко	107
Встану на рассвете	109
Элегия	110
Женский день	111
На катке	112
Письмо другу	113
Дева	114
Ван Гог	115
“То ли за победы...”	116
История	117
Первоклашки	118
“Первый иней...”	120

Валерий Васильевич Судаков
РОДНОЕ ГНЕЗДО
Стихи

Компьютерная верстка *И. М. Зейфман*

Сдано в набор 12.01.97. Подписано в печать 15.03.97.
Формат 84x108/₃₂. Гарнитура Петербург.
Усл. п. л. 6,3. Тираж 2000 экз.
